

РЕПОРТАЖ В СТИЛЕ ГОУ-ПРО

Сергей Шведко,
специальный корреспондент
«Кубанских новостей»,
Краснодарский край

Так получилось, что в последние восемь лет у меня было семь командировок в зону боевых действий. В основном, в Донбасс. Это нельзя назвать военной журналистикой. Это, скорее, были рассказы о том, как живут люди на линии фронта или рядом с ней

За это время, конечно, накопился определенный опыт, который можно свести к нескольким аспектам.

Первое. С профессиональной точки зрения работа журналиста в тех местах не является сложной.

Не нужно мучиться выбором темы: она находит тебя сама. Просто нужно идти и смотреть. Отправляясь в «плохой» район Донецка, в восстанавливаемую Волноваху или вместе с волонтерами — на Запорожское направление вначале слабо представляю, что привезу в итоге.

Поэтому стараюсь шире открывать глаза, больше смотреть, больше фиксировать увиденное и услышанное. Намного больше, чем в «мирной» журналистике.

И, конечно же, больше общаться с людьми, которые живут там, где, по-хорошему, жить невозможно. Каждый их рассказ достоин стать сюжетом для фильма. Многих из них потом не забудешь. У меня часто перед глазами стоит донецкий мальчик, Никита Аниськин. В 2015 году он жил в бомбоубежище шахты Октябрьской. Оттуда — меньше двух километров до вражеских позиций. В тот день было жарко. Мы с ним разговаривали, сидя на снарядных ящиках перед входом в его «общежитие». И он обыденно рассказывал о том, как они с мамой бежали из Марьинки, их накрыли «Градами», две тети упали мертвые, а мама накрыла его собой.

Я слушал, и было невыносимо стыдно, что ничего не могу сделать для этого пацана. Сейчас он должен уже ходить в 9–10 класс, и кроме войны в своей жизни он мало что видел.

Или вот анапский волонтер, Миша Костиков. С ним мы ездили к нашим парням на позиции за Токмаком. Там, где сегодня очень «жарко». После ночной

Сергей Шведко во время командировки в Мариуполь

Надпись на одном из домов Мариуполя

дороги мы остановились в одном поселке покомарить пару часиков в машинах. В кабине УАЗа было

холодно и крайне неудобно. Так толком никто и не уснул. Потом я его спросил: зачем тебе это нужно? Восьмая поездка за три месяца туда, где бахают. Бесплатно. По двое-трое суток без сна. Опять же, физически тяжело. Нам тогда пришлось на Крымском мосту разгрузить четыре микроавтобуса, полностью забитые гуманитаркой для военных. А потом — пронести все это через сканер и снова загрузить. Под дождем.

— Ты знаешь, когда пацанов призывали по мобилизации, меня не взяли по состоянию здоровья. Поэтому решил, что хоть так буду помогать, — ответил он.

А через два месяца Миша умер. После очередной командировки на передовую. У него, оказывается, был рак.

И таких историй простого человеческого героизма, на самом деле, очень много. Просто нужно их увидеть и услышать.

Второе. В тех местах очень важно «знать пацанов, которые знают пацанов».

Хорошо работают рекомендации от знакомых, вовлеченных в процесс. В том же Донецке замечательно помогают местные коллеги, некоторые из них уже долго являются моими друзьями. Ну и, конечно, нужно самому жить жизнью своих героев. Не выскакивать к ним на полчаса, а приезжать, хотя бы на день. Увидев, что ты нормальный человек, они, в конце концов, откроются.

Так получилось со старостой села Веселого Василием Михайловичем Царинным. Село находится между Донецким аэропортом и Песками — хуже военной географии трудно было найти. Желающих попасть туда даже среди коммунальщиков немного. А люди живут. И этот сухонький пожилой староста пытается хоть что-то сделать. Хоть электричество восстановить. До очередного обстрела. Вначале, конечно, он отнесся ко мне насторожено. Но постепенно стал раскрываться. Особенно, после того, как через нас перелетели куда-то две 82-е мины. Материал получился хороший. Не нужно было ничего выдумывать. Михалыч и его односельчане все рассказали сами.

Третье. Для пишущего журналиста серьезная проблема — описать увиденное.

В этой связи телевизионщикам намного проще. А нам нужно рассказать то, что они показывают. Но как описать inferнальный ужас уничтоженного боями Мариуполя? Для меня эта задача была почти невыполнимой. Не знаю, насколько с ней справился, но в таких случаях выручают детали. Вообще, в любом репортаже подробности — самое важное. Они не только создают эффект наглядности, но и заставляют верить автору. Особенно тщательно стремлюсь описывать те картины, которые сами бросаются в глаза. Помню, я был шокирован одной надписью на полуразрушенном четырехэтажном доме. Там было написано «Здесь дети» и изображено солнышко. Как оберег от смерти. Мимо этого пройти было просто невозможно.

Очень важным считаю тщательное выписывание диалогов. Стараюсь почти не править прямую речь своих героев. Тогда она воспринимается как разговор с живым человеком.

Ну и считаю, что репортаж подразумевает определенную разорванность действий и картин. Своеобразный эффект камеры гоу-про. Не стоит делать лишние словесные соединения. Теряется динамика, и уходит нерв повествования.

Четвертое. Невозможно писать о человеческой драме и не быть уверенным в правоте общего дела.

Но и заменять увиденные картины и слова людей своими сентенциями — тоже не выход. Сам стараюсь придерживаться такой позиции. Журналист — глаза своих читателей. В глаз может попасть соринка, глаза могут плакать или даже замылиться. Это нормально. И об этом нужно говорить. Но они не могут выдумывать. Поэтому взял за правило выражать свои впечатления одной строкой. По ходу рассказа. И не делать никаких выводов в конце. Герои все скажут сами.

И конечно же, в стрессовых ситуациях очень важно соблюдать правила безопасности, ни в коем случае не ставить под удар своих персонажей и, в конце концов, быть психологически готовым увидеть такое, от чего будешь просыпаться ночью.

А в остальном, да, журналистика — самая лучшая профессия. А военная, по моему мнению, — венец нашей деятельности. Потому что хороший материал вызывает катарсис. Значит, делает людей хоть на каплю лучше. Не для этого ли мы работаем? &